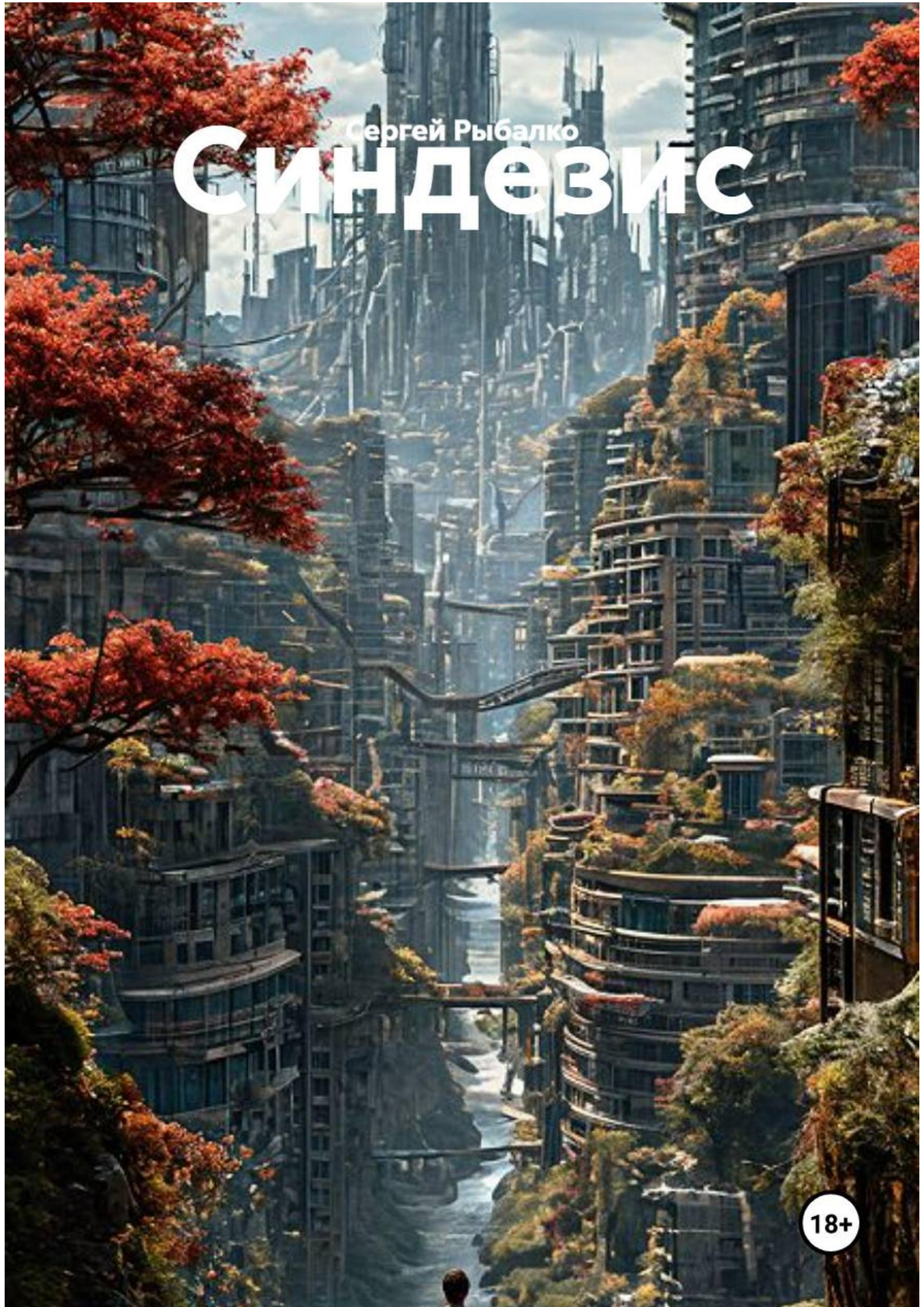

Сергей Рыбалко

Синдзис

18+

Сергей Рыбалко

Синдезис

«Автор»

2026

Рыбалко С.

Синдезис / С. Рыбалко — «Автор», 2026

Город не растёт вширь — у него отобрали землю. Он растёт вверх, ярус за ярусом, и чем выше поднимаешься, тем чище воздух и тем больше нулей на банковском счете. Здесь каждый обязан носить нейрочип Совести: государственная программа «Синдезис» не сажает грешников в тюрьму — она материализует их грехи в персональный ад прямо при жизни. Ментальный аудитор Кай спускается по девяти кругам Вертикали, считывая слепки памяти тех, кого убила их собственная совесть. Равнодушие, похоть, обжорство, скупость, гнев, обман, насилие, лицемерие И на самом дне, где предательство замерзает в вечной мерзлоте, он находит правду, способную разрушить всё, во что он верил: никакой машины нет. Есть только человек, оставленный наедине со своей виной. Это история о том, что ад не пишут кодом на заводах. Ад — это человеческая природа, увидевшая себя в зеркале. И о том, что даже у самого тёмного спуска есть обратная дорога — сквозь прощение.

© Рыбалко С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Рыбалко

Синдезис

СИНДЕЗИС

девять кругов Вертикали

антиутопия · фантастический детектив

Автор: Сергей Рыбалко

Права на текст принадлежат автору.

Возрастная маркировка: 18+

АННОТАЦИЯ

Город не растёт вширь — у него отобрали землю. Он растёт вверх, ярус за ярусом, и чем выше поднимаешься, тем чище воздух и тем больше нулей на банковском счете. Здесь каждый обязан носить нейрочип Совести: государственная программа «Синдезис» не сажает грешников в тюрьму — она материализует их грехи в персональный ад прямо при жизни.

Ментальный аудитор Кай спускается по девяти кругам Вертикали, считывая слепки памяти тех, кого убила их собственная совесть. Равнодушие, похоть, обжорство, скупость, гнев, обман, насилие, лицемерие... И на самом дне, где предательство замерзает в вечной мерзлоте, он находит правду, способную разрушить всё, во что он верил: никакой машины нет. Есть только человек, оставленный наедине со своей виной.

Это история о том, что ад не пишут кодом на заводах. Ад — это человеческая природа, увидевшая себя в зеркале. И о том, что даже у самого тёмного спуска есть обратная дорога — сквозь прощение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Архитектура Вертикали

Глава 1. Обитель равнодушных (Первый круг)

Глава 2. Ураган пустых тел (Второй круг)

Глава 3. Пытка сытостью (Третий круг)

Глава 4. Золотой свинец (Четвертый круг)

Глава 5. Червь ярости (Пятый круг)

Глава 6. Фальшивый свет (Шестой круг)

Глава 7. Кровавая топь (Седьмой круг)

Глава 8. Фальшивые маски (Восьмой круг)

Глава 9. Лед предательства (Девятый круг)

Глава 10. Зеркало совести

ПРЕДИСЛОВИЕ. Архитектура Вертикали

Город не рос вширь — у него отобрали землю. Он рос вверх, этаж за этажом, ярус за ярусом, пока нижние кварталы навсегда не лишились солнечного света, утонув в вечной, сизой накипи машинного смога. Жители Пополиса-9 называли этот мир Вертикалью. Чем выше поднимался человек по этажам этого колоссального бетонного улья, тем чище становился воздух и тем больше нулей появлялось на его банковском счете.

Здесь официально действовала государственная программа «Синдезис». Каждый гражданин был обязан носить нейрочип Совести. Эта система, созданная высшим руководством Корпорации, не наказывала преступников тюрьмой или штрафами — она меняла восприятие реальности грешника, создавая для него персональный ад прямо при жизни, в ответ на его собственные поступки. Но за внешним лоском технологий скрывались самые древние, оскалившиеся человеческие пороки.

Для контроля над исполнением приговоров совести правительство создало Особый отдел ментального аудита. Его сотрудники — ментальные аудиторы — выезжали на места, где чипы замыкали разум грешников, считывали слепки их памяти с помощью специальных сканеров и закрывали дела. В этом отделе и пересеклись судьбы двух совершенно разных людей.

Кай был молод, амбициозен и слеп. В Особый отдел он пришел три года назад, готовый верить в идеальную справедливость Системы. Ведомственные инструкции заменяли ему мораль, а тяжелое суконное пальто ментального аудитора казалось броней. Но Вертикаль быстро ломала идеалистов. В Особом отделе Кая закрепили за старшим оперативником группы.

Марк был легендой отдела, человеком из ушедшей эпохи. До того как Корпорация внедрила программу «Синдезис», он тридцать лет отработал классическим детективом в убийном отделе городской полиции на самых грязных нижних ярусах. Марк обладал колоссальным, тяжелым опытом. Он знал изнанку человеческой природы вдоль и поперек, умел читать следы крови на бетоне и понимать логику убийц еще до того, как в затылки людей начали монтировать микросхемы. Он кутался в свой неизменный потертый кожаный плащ коньячного цвета, постоянно кашлял из-за выжженных смогом легких и давно взломал код индикации собственного чипа, чтобы Система не могла отправлять логи его мыслей на центральный сервер.

Они познакомились в первый же рабочий день Кая. Старый детектив встретил молодого напарника тяжелым, оценивающим взглядом из-под седых бровей, протянул ему чашку горького суррогатного цикория и хрипло произнес: «Забудь всё, чему тебя учили в академии, парень. Железка в затылке не делает человека святым. Она просто делает его палачом для самого себя».

Марк стал для Кая не просто напарником — он стал его наставником, единственным учителем в этом выцветавшем, монохромном мире. Он учил молодого аудитора не доверять глянцевым отчетам Системы, смотреть вглубь человеческого излома и оставаться человеком там, где технологии требовали стать бездушной функцией. Марк видел Кая насквозь — знал о его скрываемой вине перед Майей, знал о его гаснущем левом глазе и молча прикрывал ему спину на каждом вызове.

Они были идеальным механизмом: колоссальный, циничный опыт старого полицейского и цепкий, голодный ум молодого аудитора. Вместе они спускались по кругам Вертикали, выезжая на самые жуткие коды Системы, еще не подозревая, что их последний совместный аудит обернется крахом всего, во что они верили.

ГЛАВА 1. Обитель равнодушных (Первый круг)

Кай проснулся ровно в 05:45 от того, что встроенный в стену регенератор воздуха издал короткий, сухой свист. Этот звук повторился трижды — системное уведомление о том, что фильтры забиты угольной пылью нижних ярусов на 84 процента. Сменный картридж стоил девяносто цифровых кредитов. У Кая оставалось сорок.

Он лежал на спине, уставившись в потолок. Потолок его тринадцатиметровой студии на тридцать втором ярусе был сложен из грубых бетонных плит, между которыми сочился старый, пожелтевший герметик. Кай не шевелился. Он ждал, пока включится его зрение.

Это происходило каждое утро в последние полгода. Сначала мир затоплила глухая темнота. Затем, по мере того как неоновые вывески за окном начинали пробивать плотную завесу тумана, пространство обретало контуры — но не цвета. Кай был уверен, что его мир стал графитовым и грязно-белым из-за чипа. Левый глаз, где под кожей виднелся едва заметный шрам от грубой имплантации, слегка дергался. В ведомственной поликлинике Каю объяснили: проводка «Синдезиса» в затылочной доле заблокировала зрительный нерв в ответ на его внутреннюю вину. Программа посчитала, что раз он когда-то совершил сделку с совестью и из-за этого потерял девушку, в которую был влюблен, — Майю, — то он больше не достоин видеть краски жизни. Кай принял это наказание как должное.

Он сел на краю кровати. Кай был высоким, но с годами начал сутулиться — постоянная работа в архивах и тесных коридорах нижних ярусов сделала свое дело. Плечи его были широкими, но теперь казались впалыми, будто он носил на них невидимый груз. Шея, покрытая сетью мелких морщин, неестественно выгибалась вперед, когда он сидел за терминалом. Руки, когда-то сильные, сейчас выглядели худыми, с проступающими венами, которые темнели на бледной коже, как извилистые линии на старой карте.

На полу лежали старые ведомственные брюки и форменный реглан ментального аудитора с тусклой, затертой бляхой на левом плече.

Кай подошел к зеркалу над раковиной. Из серой глубины пластиковой рамы на него смотрело лицо человека, которому едва исполнилось тридцать пять, но который выглядел на все пятьдесят. Кожа бледная, с желтоватым оттенком старого пергамента, под глазами залегли глубокие асфальтовые тени. Волосы жесткие, стриженные коротко, уже наполовину подернулись пепельной сединой на висках. Лоб его пересекали глубокие, вертикальные морщины — следствие постоянного напряжения и бессонных ночей. Скулы были острыми, выступающими, будто плоть под ними съежилась, открывая жесткие линии челюсти. Нос с горбинкой, чуть искривленный — старый перелом, который он не стал исправлять. Губы тонкие, сухие, всегда плотно сжатые, словно он боялся произнести лишнее слово. Но самым странным в его лице были глаза. Правый — темно-серый, почти черный, цепкий, внимательный. Левый — тусклый, мутный, с едва заметным бельмом, которое начало расползаться по зрачку, как утренний туман. Именно этот глаз лишился способности различать цвета, и теперь Кай смотрел на мир сквозь призму чужого, навязанного ему наказания.

Он повернул тяжелый латунный кран. Вода пошла не сразу — сначала вырвался столб ржавого пара, а затем потекла тонкая струя. Кай набрал воду в пригоршни и плеснул в лицо. Вода была ледяной, но он не поморщился. Физический холод был единственным чувством, которое «Синдезис», как считал Кай, еще оставил его телу. Вкус еды, тепло чужой кожи — всё это алгоритмы чипа выжгли из его мозга за три года непрерывного самоосуждения.

На кухонном столе стояла тяжелая фаянсовая кружка со сколотой ручкой. Кай насыпал туда две ложки темного порошка суррогатного цикория. Залив его кипятком, он сел на стул. Сделал глоток. Черная жидкость обожгла язык, но вкуса не было. Обычная горькая пустота. «Программа работает идеально, без сбоев», — мрачно подумал он.

В этот момент коммуникатор на его запястье завибрировал. На маленьком монохромном экране побежали строчки: «Сектор 14. Нижний распределитель. Станция консервации архивов. Чрезвычайная ситуация. Код 1-Тишина. Срочный выезд ментальной группы».

Кай поставил недопитую кружку на стол. Натянул тяжелое форменное пальто из плотного сукна, проверил служебный сканер во внутреннем кармане и вышел в коридор.

Станция консервации архивов встретила его запахом аммиака, сырости и застоявшейся пыли — той особой, кислой затхлости, которая десятилетиями впитывается в бумагу и бетон.

У входа его уже ждал Марк. Старый детектив стоял, прислонившись к мокрой стене, и с хрипом затягивался дешевой сигаретой, пряча её в кулак. Он был коренастым, приземистым, с широкими, мощными плечами, которые, казалось, вросли в его потертый кожаный плащ коньячного цвета. Этот плащ был его второй кожей — выцветший, поцарапанный, со следами старых порезов и застарелых пятен. На груди плаща, на левой стороне, темнело большое, давнее пятно — то ли кофе, то ли кровь, уже впитавшаяся в кожу. Марк носил этот плащ в любую погоду, даже когда смог на нижних ярусах становился таким густым, что в нем невозможно было дышать.

Лицо его было покрыто сетью глубоких морщин, изрезавших лоб и щеки, как сухая земля. Кожа имела землистый, серый оттенок — результат десятилетий, проведенных в смоге Вертикали. Под глазами налились синие мешки, а сами глаза, воспаленные, с лопнувшими капиллярами на белках, смотрели из-под густых, седых бровей с тяжелой усталостью человека,

который видел слишком много смертей. Нос был крупным, с широкими ноздрями, которые постоянно хватали воздух с хрипом и свистом. Когда он дышал, грудь его вздымалась тяжело, с надрывом — легкие, выжженные смогом, давно работали на пределе. Из-под расстегнутого ворота плаща виднелся серый, потрепанный шарф, который он носил неизменно и который уже потерял свой первоначальный цвет. В правой руке он держал давно потухшую сигарету — на верхних ярусах курение каралось штрафом, но здесь, внизу, патрульные смотрели сквозь пальцы на старых оперативников.

Он давно взломал код индикации собственного чипа, чтобы система не могла отправлять логи его мыслей на центральный сервер, и считал себя самым трезвым циником в этом Городе.

— Ну и дыра, Кай, — хрипло проворчал он, выбрасывая окурок в лужицу. — Пошли, патрульные внутри уже бледнеют.

Они вошли в огромный архивный зал.

Здесь царил тот особый, тягучий полумрак, который рождается не от отсутствия света, а от его медленного, мучительного умирания. Тусклые люминесцентные лампы были скрыты за грязными, покрытыми десятилетиями копоти пластиковыми рассеивателями — они давали не столько свет, сколько бледное, болезненное свечение, которое оседало на всем, как тонкий слой серого инея. Воздух в зале казался осязаемым, плотным, тяжелым — он давил на плечи, на грудь, заставляя дышать чаще и мельче.

Стеллажи уходили под самый высокий потолок, теряясь где-то в густой, непроглядной тени. Они были сделаны из потемневшего, покрытого ржавчиной металла, и на каждом ярусе в бесконечных рядах стояли картонные коробки. Коробки эти были старыми — настолько, что их углы обмякли, облупились, а картон приобрел тот унылый, мышинный оттенок, какой бывает у вещей, которые никто не трогал десятилетиями. На некоторых коробках еще можно было различить надписи — казенные шрифты, номера дел, даты, выведенные чернилами, которые уже выцвели до бледно-сиреневого. Но большая часть этикеток просто осыпалась, превратилась в труху, смешавшись с пылью, которая лежала на полках толстым, бархатистым слоем.

Пыль здесь была повсюду. Она не просто висела в воздухе — она жила в нем, дышала вместе с залом, оседала на каждом предмете, на каждой поверхности. Кай сделал шаг, и его подошва мягко утонула в сером пушистом ковре, который покрывал бетонный пол. С каждым его движением мельчайшие частицы взлетали вверх, кружились в тусклых лучах ламп, оседали на одежде, на лице, на губах. Пахло здесь кисловатой, приторной затхлостью — это был запах старой, отсыревшей бумаги, прогорклого клея, окислившегося металла и еще чего-то неуловимого, что лежало в основе этого зловония: запах времени. Того самого времени, которое не движется, а стоит на месте, застыло, как смола в янтаре, превращая пространство в гигантскую, бесконечную гробницу.

Кай прошел мимо одного из стеллажей. Из его ноздрей донесся новый оттенок запаха — химический, резкий, знакомый. Он остановился, пригляделся. На нижних полках, в открытых ящиках, лежали старые пластиковые папки, но пахло не от них. Из-под стеллажа, где бетонная плита треснула и отошла от стены, сочилась тонкая, почти незаметная струйка влаги. Это была не вода — Кай уловил едкий, щиплющий запах аммиака. Где-то глубоко в технических коммуникациях застарела протечка, и гниющий раствор столетиями пропитывал бетон, создавая ту самую, ни с чем не сравнимую атмосферу подземелий, где не ступала нога живого человека.

Вдоль стен, между стеллажами, тянулись тонкие, покрытые изоляцией провода. Некоторые из них обвисли, оторвались от креплений, и теперь их оголенные, окислившиеся концы безжизненно свисали к полу, покачиваясь от едва заметного движения воздуха. Из динамиков системы оповещения, вмонтированных в потолок, доносился едва слышный, ритмичный гул — не то работа вентиляции, не то гул трансформаторов, замурованных в стенах. Этот звук был фоновым, привычным, но когда Кай обращал на него внимание, он начинал раздражать, сверлить мозг своим низкочастотным монотонным давлением.

Он поднял голову. Потолок терялся в темноте, и только иногда, когда глаза привыкали к полумраку, можно было различить тяжелые, массивные балки перекрытий, покрытые слоями черной копоти. На них, как гигантские пауки, висели пучки проводов, соединенных в узлы и перевязанных проржавевшей проволокой. Где-то там, в вышине, одиноко моргала красная лампочка — пожарный датчик, который, судя по всему, не работал уже много лет.

Кай прошел по проходу между стеллажами. С каждым шагом воздух становился плотнее, тяжелее. Пыль здесь была гуще, она оседала на языке, вызвала сухой, навязчивый кашель. Пол под ногами то и дело хрустел — то ли мелкими кусочками штукатурки, то ли обломками старого, рассыпавшегося пластика.

В самом конце прохода, у погасшего терминала, на стуле сидел пожилой архивариус Томас.

Он был мертв.

Голова его была слегка запрокинута, и в этом неестественном положении шея казалась тонкой, как у птицы. Лицо оставалось пугающе, неестественно гладким — ни единой морщины страха или боли не исказило его черты. Ни предсмертной судороги, ни застывшего крика, ни даже той жалкой, человеческой гримасы отчаяния, которую Кай привык видеть на лицах покойников. Это была пустая маска, вырезанная из старого пожелтевшего воска. Скулы проступили так резко, что под тонкой, натянутой до прозрачности кожей прорисовывались очертания черепа — глазницы, носовые пазухи, скуловые дуги, словно плоть сама втянулась внутрь, сгорела, испарилась, оставив лишь тонкую оболочку.

Глаза Томаса были открыты. И в них не было ничего. Зрачки, когда-то карие, превратились в бесцветные, выцветшие круги — как старая, выгоревшая на солнце ткань, которая рассыпается от малейшего прикосновения. На поверхности роговицы появилась тонкая, паутинная сеть лопнувших сосудов, но кровь в них застыла, почернела, превратив глаза в два мутных, мертвых озера. Веки не были сомкнуты — они просто не могли закрыться, словно мышцы, отвечающие за это движение, атрофировались еще до смерти.

Кай сделал шаг ближе и услышал, как под его подошвой хрустнуло. Он опустил взгляд. Вокруг стула, радиуса метра в полтора, лежал ровный, как пудра, слой тончайшей серой пыли. Сначала Кай подумал, что это старые документы рассыпались от времени. Но затем он заметил, что пыль осела не только на полу — она покрывала брюки Томаса, его руки, его воротник. Она была повсюду, въелась в складки одежды, осела на его седых волосах. Кай понял с леденящей отчетливостью: это не бумажная труха. Это сам Томас. Его кожа, его ткани, его тело — оно буквально рассыпалось в прах, как старый, ветхий свиток, который никто не брал в руки десятилетиями. Организм, лишенный всякой эмоциональной активности, перестал удерживать себя в целостности. Клетки просто отмирали, высыхали и осыпались, превращая человека в кучу серого пепла прямо на его рабочем месте.

— Сорок лет на одном месте, — Марк сверился с планшетом, и голос его в этой звенящей тишине прозвучал глухо, как из могилы. — Жена ушла тридцать лет назад. Он даже не заметил. Когда в его дворе забивали палками человека, он просто закрыл окно, чтобы не слушать шум. Он не делал зла. Но и добра не сделал. Абсолютное безразличие. Подключайся.

Кай подошел к телу ближе. Теперь он видел детали, которые ускользнули при первом взгляде. Кожа на руках Томаса была покрыта мелкими, как паутина, трещинами — она напоминала старую, потрескавшуюся землю в пустыне. Ногти на пальцах пожелтели, стали ломкими, крошились даже от легкого движения воздуха. Под ними скопилась та же серая пыль — остатки его собственного тела. Кай заметил, что на запястьях, там, где манжеты рубашки касались кожи, образовались темные, почти черные полосы — следы того, как кровь переставала циркулировать еще при жизни, застаивалась и начинала разлагаться, превращая вены в темные, извилистые линии под полупрозрачной кожей.

Он достал сканер. Пальцы его дрожали, когда он протягивал гибкий кабель к затылку покойного. Порт чипа выглядел странно — металлический ободок вокруг разъема покрылся зеленоватым налетом окиси, будто имплант начал разъедать тело изнутри. Кай закрепил адаптер, нажал кнопку, и реальность сделала болезненный кувырок.

Они провалились в ментальный слепок.

Перед ними развернулась последняя неделя жизни Томаса. И здесь Кай воочию увидел за что — или, точнее, за отсутствие чего — программа приговорила старика.

Вот утро понедельника. Томас идет на работу через Пятый распределительный узел. У самого входа в метро, на грязном, иссеченном трещинами асфальте, сидит нищий — старик-рабочий. Кай физически ощутил запах, который исходил от этого несчастного: смесь немытого тела, гниющей раны на культе и дешевого технического спирта, которым тот пытался заглушить боль. У нищего не было пальцев на правой руке — обгоревшие культы торчали из грязного рукава, покрытые коростой и свежими, воспаленными язвами. Он хрипел, силясь выдать слова, его потрескавшиеся губы шевелились беззвучно, умоляя о паре цифровых кредитов на кусок хлеба.

Томас остановился перед ним. Кай ждал хоть какой-то реакции: брезгливости, жалости, раздражения — любой эмоции. Но ничего не произошло. Лицо Томаса осталось гладким, как у покойника. Его сердце билось ровно — Кай слышал этот равномерный, монотонный ритм, который не изменился ни на удар. Он просто смотрел на нищего. Взгляд его скользил по язвам, по культям, по умоляющему, искаженному страданием лицу — как по пустой, негорящей неоновой вывеске. Затем он сделал шаг в сторону. Аккуратно, чтобы не задеть протянутую руку. Обошел нищего, как обходят лужу на тротуаре, и пошел дальше, бережно прижимая к груди портфель.

Второй кадр. Дождливый вечер среды. Томас сидит в своей студии на сорок пятом ярусе. За окном моросит мелкий, противный дождь. Кай слышал, как капли стучат по стеклу, как где-то далеко воеет сирена — привычный, фоновый звук Вертикали. А затем — крик. Отчаянный, полный ужаса и боли. Кай вздрогнул, даже в ментальном слепке, — этот звук резанул по нервам. Томас не вздрогнул. Он медленно поднял голову от тарелки с серым, безвкусным супом. За окном, в темном межоконном пролете, трое подростков зажали в углу молодого патрульного. Кай видел это глазами Томаса: скулящий свет уличного фонаря выхватывал лица нападающих — оскаленные, перекошенные злобой, с белыми, как мел, зубами. В руке одного из них блеснул обрезок трубы. Он занес его и с глухим, влажным ударом обрушил на голову уже лежащего патрульного. Кости хрустнули — этот звук был отчетливым, мокрым, похожим на треск ветки под ногой. Крик не прекращался, он становился все тише, все более булькающим, захлебывающимся.

Томас смотрел на это. Его лицо ничего не выражало. Кай ждал — может, сейчас он дернется, вызовет полицию, хотя бы задернет штору. Нет. Томас сидел неподвижно, с ложкой в руке, и смотрел на бойню внизу с тем же безразличием, с каким смотрел на пустой экран терминала. Затем, словно что-то вспомнив, он медленно, без всякой спешки, встал. Подошел к окну. Плотнo закрыл металлическую створку, с усилием повернул заржавевший шпингалет — тот жалобно скрипнул. Затем задернул серую, пропахшую табаком штору. Крики стихли, превратились в едва слышный фон. Томас сел за стол, увеличил громкость старого телевизора, где бодрый голос рекламировал чистящее средство, и продолжил жевать.

Третий кадр. Пятница. На работе к Томасу подходит молодая женщина. Кай увидел ее лицо — опухшее от слез, покрасневшие глаза, дрожащие губы. Ее мать попала под очистительный флайер, нужны деньги на срочную операцию. Она умоляет, хватается за край его стола, готова упасть на колени. Томас смотрит на нее. В его взгляде пустота. Он аккуратно поправляет стопку папок на столе, разглаживает несуществующую складку на рукаве. Затем говорит

— ровным, сухим голосом, в котором нет ни капли чувства: «Это не входит в мои обязанности. У меня свои расходы».

Кай почувствовал, как внутри него поднимается тошнота. Это было хуже, чем жестокость. Это было отсутствие всего, что делает человека человеком.

И в этот момент, как понял Кай, чип «Синдезис» зафиксировал критический предел. Но никакого сигнала тревоги не было. Ни вспышки, ни звука. Просто в сознании Томаса, как чернильная клякса на белом листе, начала расползаться пустота. Она заполнила его разум, как вода заполняет тонущий корабль — медленно, неотвратно.

Кай увидел, как три дня назад, прямо во время дежурства, у Томаса начала отключаться чувствительность. Сначала исчезли звуки. Кай пережил этот момент глазами старика: грохот монорельса за окном стих, гул вентиляционных систем смолк, даже тиканье настенных часов превратилось в далекий, едва слышимый шепот. Томас не удивился. Он просто сидел за терминалом, глядя на немые показатели. Затем пропало осязание. Кай почувствовал, как стальные листы терминала перестали быть холодными — они стали просто ничем. Стул под телом потерял вес и жесткость. Томас перестал ощущать свою одежду, свои руки, свое тело. Он сидел в полной пустоте, не чувствуя ни тепла, ни холода, ни боли, ни давления. Чип, как был уверен Кай, погружал его мозг в абсолютную изоляцию, лишая один рецептор за другим.

Но самое страшное пришло потом. Кай увидел, как в последние часы жизни Томас начал растворяться. Его кожа стала тонкой, как папиросная бумага. Под ней не было мышц — только кости и сухожилия. Он сидел, глядя на экран терминала, который для него уже ничего не значил, и его тело медленно превращалось в пыль. Он не чувствовал этого. Он не чувствовал ничего. А затем его сердце, лишенное всякого сигнала к жизни, просто остановилось. Мозг угас, как тусклая лампочка, в которой перегорела нить.

Кай рванул кабель, и слепок выключился. Левый глаз дернулся в безумном тике — мир снова ушел в асфальтово-серую тону. Он тяжело задышал, утирая холодный пот со лба. В горле стоял привкус той самой архивной пыли — или останков Томаса.

— Чип просто выключил его, — сказал Кай, и голос его сорвался на хрип. — Не наказал, не заставил страдать. Просто... выключил. Как старый терминал, который больше не нужен.

Марк молчал. Он стоял, прислонившись к стеллажу, и смотрел на труп старика. В его глазах не было жалости — он был слишком стар и слишком многое видел, чтобы тратить чувства на очередной труп. Только усталость, тяжелая, вьевавшаяся в кости, как тот самый смог, которым он дышал тридцать лет. Он перевел взгляд на Кая и тихо произнес:

— Безразличие и сухость высушили его тело изнутри. Теперь «Синдезис» казнит даже за это. Пойдем, Кай. Дело закрыто. Встретимся завтра.

Кай кивнул. Они вышли из архивного зала, оставив за спиной пыль, тишину и прах человека, который умер от собственной пустоты.

Кай вернулся в свою студию только под утро. Он не пошел в бар — сил не было даже на то, чтобы спуститься на лифте. Он сидел на краю кровати, не снимая пальто, и смотрел на свои руки. В голове эхом отзывалась пустота Томаса — та самая абсолютная, давящая тишина, которая была хуже любого крика. Кай перевел взгляд на комод, где в треснувшей рамке стояла старая фотография Майи.

«Мы все делаем это, — подумал он. — Закрываем глаза, чтобы нам было удобно. Прячемся от чужого горя. А потом чип ловит нас на этой трусости». Его затылок отозвался сухой, давящей болью — Кай принял это за карающий импульс нейросети. Он лег на жесткий матрас прямо в одежде и забылся тяжелым, лихорадочным сном без сновидений.

Ровно в 05:45 запястье резко рвануло тревогой: коммуникатор задрожал. По экрану побежали строки: «Сектор 12. Верхний ярус. Клуб "Орхидея". Код 2-Похоть. Срочный выезд ментальной группы».

Кай открыл глаза, поднялся, сделал глоток горячей воды, которая казалась жидким пепелом, и шагнул за дверь — навстречу второму кругу.

ГЛАВА 2. Ураган пустых тел (Второй круг)

Вагон скоростного экспресса «Шпиль-Лайн» шел вверх почти вертикально. Кая слегка вдавливалось в жесткое спинчатое кресло. Через панорамное стекло обшивки было видно, как грязно-серый смог нижних ярусов стремительно редет, превращаясь сначала в желтоватую накипь, а затем — в полупрозрачную, подсвеченную лазерами дымку. За ней, как сквозь мутную воду, проступали очертания верхних ярусов: изящные мосты из полированного титана, стеклянные пирамиды медиа-центров, шпили частных резиденций, уходящие в чистое, ледяное небо.

Здесь, на сотом ярусе, Город пах иначе. Исчез удушливый запах сырого бетона и ржавчины. Из вентиляционных решеток платформы тянуло сухим, морозным воздухом с едва уловимой нотой сандала и дорогого табака. Но для Кая этот мир все равно оставался монохромным. Напольные полимерные плиты, которые для обычных граждан светились благородным изумрудным светом, казались ему ровными полосами серого линолеума. Огромные голографические вывески, которые должны были пестреть яркими красками, выглядели как серые, пульсирующие пятна.

Марк ждал его у массивных дверей закрытого клуба «Орхидея». Старик стоял, глубоко засунув руки в карманы своего неизменного кожаного плаща, и яростно жевал незажженную сигарету — на верхних ярусах открытое курение каралось мгновенным штрафом. Его землистое лицо в холодном свете утренних ламп казалось еще более серым, а глаза, воспаленные, с лопнувшими капиллярами, смотрели на Кая с привычной усталой настороженностью.

Двери были отлиты из тяжелой потемневшей бронзы и украшены барельефами сплетающихся человеческих тел. Кай заметил, что бронза покрыта тонким слоем инея — странное явление для закрытого, отапливаемого помещения. Он провел пальцем по поверхности. Металл был холодным, неестественно холодным, будто за дверями царил не клуб, а морозильная камера.

— Тут у нас элита, Кай, — тихо прохрипел Марк, кивая на бронзовые створки. — Чиновники министерства распределения, топ-менеджеры медицинских консорциумов. Те, кто внизу учит нас затягивать пояса. Заходи. Патрульные даже не стали прикасаться к телам. Боятся, что их чипы перехватит тот же психоз.

Они вошли в главный зал. И Кай застыл на пороге.

Воздух внутри был горячим, плотным и густым, словно сироп. Он обжигал горло смесью ароматов: дорогого парфюма, который десятилетиями впитывался в обивку диванов, стойкого запаха шампанского, сладковатых духов и еще чего-то — тонкого, едва уловимого, похожего на озон после грозы. Но главным, что бил в ноздри, был холод. Ледяной, режущий, как осколки стекла, холод, который не имел отношения к погоде. Он исходил из центра зала, оттуда, где на огромном круглом подиуме, застеленном измятыми шелковыми простынями, царил кошмар.

На кованых канделябрах догорали сотни восковых свечей. Их оплывший воск капал на тяжелый, мягкий ковер из персидской шерсти, в ворсе которого подошвы утопали по самую щиколотку. Вдоль стен стояли широкие низкие диваны, обтянутые нежнейшей телячьей кожей, на столиках из черного оникса застыли хрустальные бокалы с недопитым, потемневшим шампанским. В золотых вазах, расставленных по углам, доживали свои последние минуты огромные, экзотические орхидеи — их лепестки уже начали увядать, сворачиваться, терять цвет.

В центре зала, на подиуме, лежали люди.

Около тридцати человек. Далеко не все они были одеты. На некоторых мужчинах еще оставались расстегнутые шелковые рубашки, на ком-то — дорогие брюки, пара женщин застыла в разорванных вечерних платьях. Но большинство были обнажены полностью или наполовину. Их бледные, холеные тела сплелись в хаотичную, уродливую гору плоти. Они

застыли в состоянии глубокого кататонического ступора, намертво переплетенные руками и ногами. Пальцы некоторых из них с такой силой впивались в чужие плечи и бедра, что под безупречно ухоженными ногтями виднелись запекшиеся струйки крови.

Кай шагнул ближе и увидел лица.

Они были искажены неопишным, животным отвращением. Зрачки расширены до предела, почти не оставляя места для радужки, губы судорожно искривлены, будто они пытались выплюнуть что-то невыносимо горькое. Кожа на лицах приобрела синюшный, мертвенный оттенок — такой бывает у людей, замерзших насмерть на открытом воздухе. Под глазами вздулись багровые, почти черные мешки — следы лопнувших капилляров. Ноздри были раздуты, как у загнанных животных, а на скулах, там, где кожа натянулась до предела, проступили белые, как мел, пятна — первые признаки начинающегося обморожения.

Самое жуткое было в том, что посреди душного, закрытого зала гулял ветер. Настоящий, холодный сквозняк, который с тихим, леденящим шелестом гонял по полу сорванные лепестки живых орхидей и заставлял пламя свечей безумно метаться, отбрасывая на стены дикие, пляшущие тени. Этот ветер рождался прямо над подиумом — он исходил от тел этих людей. Их кожа, покрытая крупными каплями холодного пота, была на ощупь ледяной, как металл на морозе. Кай протянул руку к одному из мертвецов, не прикасаясь, просто чувствуя исходящий от него холод. Воздух вокруг тела был таким студеным, что у Кая заныли кости запястья.

— Похоть, — Марк брезгливо сплюнул на ковер. — Точнее, то, во что они ее превратили. Система «Синдезис» выдала им коллективное контрапассо. Замкнула нейросети прямо на пике удовольствия. Подключайся, Кай. Посмотрим, как они докатились до этой мерзлоты.

Кай подошел к краю подиума. Его взгляд упал на мужчину в самом центре клуба. Это был Фрост Вэнс — Кай узнал его по фотографиям в ведомственных базах. Холеное лицо, тяжелая волевая челюсть, дорогие часы на запястье, которые теперь тускло поблескивали в свете догорающих свечей. Тело Фроста было неестественно выгнуто, позвоночник выгнут дугой, а пальцы с такой силой вцепились в плечи двух женщин по бокам, что под его ногтями засохла кровь. Лицо его застыло в гримасе, которая была хуже любого крика: смесь невыносимого наслаждения и абсолютного, леденящего ужаса.

Кай опустил перед телом на колени. Порт чипа на затылке Фроста был открыт, но вокруг него, на коже, выступил тонкий слой инея. Металлический ободок разъема был покрыт кристалликами льда. Кай достал сканер — прибор с непривычным усилием выскользнул из пальцев, руки плохо слушались от холода. Он закрепил адаптер, нажал кнопку ввода. Реальность взорвалась цветом, и Кая накрыло чужое сознание.

Перед ним развернулись воспоминания последней недели жизни Фроста Вэнса.

Вот он сидит в своем огромном кабинете на 140-м ярусе. Стены из дорогого бразильского палисандра пахнут смолой и коньячным лаком, за панорамным окном расстилается бескрайний океан неоновых крыш. Фрост поправляет запонки на рубашке, просматривает отчеты. У него есть всё: колоссальные счета, безупречная репутация, любящая красавица-жена, чьи каштановые волосы пахнут альпийским лугом, и двое идеальных детей.

Но Фрост ничего этого не чувствует.

Кай физически ощутил тупую, свинцовую скуку, которая пожирала Вэнса изнутри. Она была вязкой, густой, как застывающая смола. Она оседала на его языке, застревала в горле, делала каждый вдох усилием. Обычная человеческая любовь, теплая и предсказуемая, перестала приносить ему радость. Его мозг, пресыщенный доступными благами, требовал большего, более острого, более грязного. Каждый раз, когда жена обнимала его после работы, Фрост чувствовал лишь раздражение и пустоту. Ему казалось, что он прикасается к сухой, шершавой бумаге, к пустой оболочке. Он механически отвечал на поцелуи, но внутри него зияла черная, холодная дыра.

Чтобы заполнить эту внутреннюю пустоту, он начал искать суррогаты. Сначала это были тайные переписки, сайты знакомств, виртуальные измены. Затем — встречи в дорогих отелях, где он менял женщин, как перчатки, не запоминая их имен. Но и этого стало мало. Тогда он нашел «Орхидею». Место, где люди меняли тела, как одноразовые пластиковые стаканы, даже не запоминая имен тех, с кем делили постель. Где плотское удовольствие превратилось в механический акт, лишенный тепла, чувства, человечности.

Кай видел, как Фрост приходил сюда каждую ночь. Его глаза, в начале вечера еще живые, к полуночи становились пустыми, стеклянными. Он растаптывал верность и доверие близких, предавал любовь жены, обманывал детей — и все ради одной секунды животного, искусственного экстаза, который с каждой ночью требовал все больше извращений. Фрост стал зависимым от этого острого, колющего ощущения, которое на миг вырывало его из серой повседневности.

И в этот момент, как был уверен Кай, чип «Синдезис» зафиксировал критический перегруз подсознательного стыда. Программа вынесла приговор.

Кай увидел финальную сцену.

Полночь. Фрост на пике угара на этом самом подиуме. Его сердце бьется на пределе возможностей — 160 ударов в минуту. Он прижимает к себе очередное чужое тело, чужую плоть, которая ничего не значит. И вдруг все меняется.

Кай пережил этот момент глазами Фроста. Резко, без всякого предупреждения, тепло исчезло. Жар страсти, который горел в его теле, превратился в лед. Фрост физически почувствовал, как его собственная кровь, которая только что кипела, начала стынуть, замерзать в жилах. Он попытался отстраниться, но мышцы свело судорогой. Он не мог пошевелиться. Он только чувствовал, как ледяной ветер вырывается из глубины его легких, из самой его сути, и бьет в лица людей вокруг.

Это был психосоматический ураган. Фрост с ужасом осознавал, что прикосновения чужой кожи, которые только что дарили ему наслаждение, теперь обжигают его морозом, словно жидкий азот. Каждое прикосновение приносило боль — резкую, режущую, как удар током. Он пытался закричать, но горло перехватило, воздух застыл в легких. Люди вокруг него начали испытывать то же самое. Их совокупный грех материализовался в этом ледяном вихре. Они судорожно цеплялись друг за друга, инстинктивно пытаясь согреться, но их объятия приносили лишь леденящий ужас. Чем теснее они прижимались друг к другу, тем холоднее становилось. Их швыряло в этом ментальном вихре отвращения и страха, пока мозг не выключился от шока. Сердца останавливались одно за другим, замораживая тела в неестественных, искалеченных позах.

Кай стянул кабель, и звуки слепка оборвались. Левый глаз дергался, когда мир снова окрасился в асфальтово-серые тона. Он отшатнулся от трупа, тяжело дыша, хватая ртом теплый, густой воздух клуба. В горле стоял металлический привкус, а перед глазами все еще плясали цветные пятна чужого безумия.

— Они умерли от того, что получили именно то, чего так страстно желали, — выдавил Кай, утирая холодный пот со лба рукавом тяжелого пальто. — Их чипы заблокировали дофамин и превратили их страсть в ледяной ветер. Программа заперла их в собственном урагане.

Марк стоял у стены, прислонившись к холодной бронзовой поверхности. Его лицо было непроницаемым, только глаза — воспаленные, усталые — смотрели на груды тел с тяжелой, вымученной мудростью человека, который больше не удивляется человеческой глупости.

— Жестко, — сказал он, и в голосе его не было жалости. Только констатация факта. — Холодный ветер страстей сделал с ними свое дело.

Они вышли из клуба. Холодный, стерильный воздух верхнего яруса обжег легкие, но Кай чувствовал, что внутри него все еще пульсирует тот ледяной ураган, который он пережил в сознании Фроста. Он глубоко вдохнул, пытаясь избавиться от этого ощущения.

— Как думаешь, — спросил Кай, глядя на монохромные небоскребы, — они знали, что так будет? Знали, что их чип поймает их на этом?

Марк коротко усмехнулся — в этой усмелке не было ни капли веселья.

— Они знали только то, что хотели знать. Что они богаты, что им все позволено, что чип — это просто железка в затылке, которую можно обмануть. А когда он сработал, было уже поздно.

Они пошли вдоль пустой платформы монорельса. Вокруг них простирался верхний ярус — чистый, стерильный, безжизненный, как операционная. Кай смотрел на редких прохожих: мужчины в дорогих костюмах, женщины в шубах из синтетического меха. Они шли быстро, опустив глаза в экраны коммуникаторов, не замечая друг друга. Их лица были такими же пустыми, как лица мертвецов в «Орхидее». Только живые.

«Мы делаем это сами, — думал Кай, глядя на них. — Мы ищем пустоту и находим ее. А когда находим — удивляемся, что она нас убивает».

— Завтра, — сказал Марк на прощание, — третий круг. Чревоугодие. Ресторан «Элизиум» на сороковом ярусе. Говорят, там такое творится, что патрульных тошнит прямо на входе. Встретимся в шесть.

Кай кивнул. Он не стал задерживаться на верхнем ярусе — спустился на монорельсе до своего тридцать второго, зашел в студию, не включая света, и рухнул на жесткий матрас. Сон пришел мгновенно — тяжелый, липкий, без сновидений. Но перед тем как провалиться в темноту, он снова увидел перед собой искореженные лица мертвецов, застывшие в вечном, ледяном крике.

В 05:45 из темноты протолкнулся зум: коммуникатор на запястье дрожал тревогой. По экрану бежали строки: «Сектор 12. Средний ярус. Ресторан "Элизиум". Код 3-Голод. Срочный выезд ментальной группы».

Кай открыл глаза, поднялся, сделал глоток воды и шагнул за дверь. Третий круг ждал его.

ГЛАВА 3. Пытка сытостью (Третий круг)

Ресторан «Элизиум» располагался на сороковом ярусе среднего сегмента, ровно на границе, где смог нижних ярусов еще не выцвел окончательно, но уже терял свою удушливую густоту. Кай вышел из вагона монорельса и, пройдя буквально один квартал по широкой, пустой эстакаде, оказался у входа в ресторан. Фасад здания был облицован матовым черным стеклом, на котором тускло поблескивали золотые буквы названия. Но даже сквозь закрытые двери уже пробивался тот самый тошнотворный, осязаемый запах — густая, липкая смесь ароматов дорогой, жирной мясной подливки, прокисшего коллекционного вина, изысканных сыров с благородной плесенью и отчетливого, сладковатого душка биологического разложения.

Кай остановился, прикрывая рот ладонью. Его левый глаз дернулся, и серый мир вокруг на мгновение стал еще более размытым. Запах был настолько плотным, что казался осязаемым — он оседал на языке, в горле, заставляя желудок сжиматься в сухой спазм.

Марк уже ждал его у входа. Старый детектив стоял, прислонившись к бетонной колонне, и тяжело дышал, прижимая к груди свой серый шарф. Его лицо было бледнее обычного, а под глазами залегли глубокие, синие тени. Он не пытался закурить — даже его выжженные легкие не могли справиться с этим зловонием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.